

Чжоу Фэй уже чувствовала всё большее разочарование из-за того, что её попытки добраться до двери снова и снова срывались. Услышав эти слова, она подумала про себя: «О чём, чёрт возьми, он болтает?»

Хотя Цзи Юньчэнь говорил немного запыхавшись, его голос был невероятно спокойным. Как будто независимо от того, насколько ужасной стала борьба вокруг него, ничто не могло поколебать это ледяное спокойствие внутри него.

Этот легендарный потомок Клинка Севера спокойно сказал: «У Снежной Сабли есть девять движений, а именно 'Гора', 'Море', 'Ветер', 'Пронзающий', 'Ломающий', 'Режущий', 'Непревзойденный', 'Непостоянный' и 'Без клинка'. Когда я был молод, мне выпала честь видеть старшего Ли Чжэна в действии. Думаю, сутью его техники тогда было движение 'Без клинка'. А затем в руках госпожи Ли, которую я также имел честь однажды наблюдать, основой техники было движение 'Непревзойденный'. Юная барышня, поскольку ты не старший Ли и не госпожа Ли, какой ход выберет твой клинок?»

Сначала Чжоу Фэй была настроена проигнорировать его совет, так как её раздражало, что он казался полностью смирившимся и лишённым какой-либо реакции на тот факт, что он усложнил жизни стольких людей. Но пока он говорил, она обнаружила, что начинает впитывать его слова. И когда он упомянул «Непревзойденный» и «Без клинка», Чжоу Фэй почувствовала, как будто её череп внезапно вскрыли, чтобы впустить свет. Хотя она ещё не чувствовала себя полностью просветлённой, она ощущала себя намного мудрее.

Её рука на мгновение замерла, и ее чуть не схватили ученики Лазурного Дракона, которые приближались к ней.

Чжоу Фэй подумала про себя: «Правильно – когда умер мой дедушка, моя мать была ненамного старше, чем я сейчас, и, вероятно, к тому времени она еще не так хорошо научилась технике Снежной Сабли. Она сказала мне, что Снежная Сабля была «непобедимой», но была ли она передана ей таким образом, или она сделала это сама? Почему же тогда я должна принимать ее версию за непреложную истину и копировать ее ход за ходом?»

С тех пор как она покинула 48 крепостей, Чжоу Фэй сильно изменилась, помимо того, что стала более сообразительной и осведомленной. Она привыкла думать о Ли Цзиньжун как о цели, которую мечтала превзойти – отчасти потому, что думала, что стать госпожой Ли на самом деле не такая уж трудная задача, так как рано или поздно она сможет вырвать этот кнут из рук матери; и отчасти потому, что втайне считала Ли Цзиньжун своей надежной опорой. Она подсознательно и твердо верила, что даже если бы небо рухнуло, пока госпожа Ли все еще будет рядом, 48 крепостей не будут погребены под землёй. Так что всё, что говорила госпожа Ли, было несомненно неопровержимым и бесспорным, и боевые искусства, переданные госпожой Ли, безусловно, были бы самыми авторитетными и правильными.

Но теперь всё, казалось, перевернулось с ног на голову.

Только после того, как сама стала свидетелем некоторых трудностей, известных человеку, и

лично взвалила на себя лишь небольшую часть обязанностей и давления, которые Ли Цзиньжун взяла на себя годы назад, Чжоу Фэй полностью осознала, какой удивительной на самом деле была госпожа Ли. В то же время, став свидетельницей экстраординарных мастеров боевых искусств, таких как монстр с горы Живых Мертвецов Му Сяоцяо, Дубхэ из Большой Медведицы и даже Руки Поблѣкшей Славы, она также пришла к пониманию, что, хотя боевые искусства Ли Цзиньжуна, безусловно, стоят на одном уровне с лучшими из них, они не обязательно возвышаются над ними всеми.

И в это мгновение первоначальная схема девяти ходов Снежной Сабли рухнула в голове Чжоу Фэй. Даже не задумываясь, она инстинктивно выставила вперед лицевую сторону своей сабли, прижимая ее к оружию в руке одного из учеников Лазурного Дракона. Ученик немедленно оттолкнулся от ее клинка, но Чжоу Фэй просто провела своим клинком по его оружию – точно так же, как она много раз использовала ветку ивы, чтобы скользить мимо струнной машины в Чернильной реке!

Когда она скользнула к концу его клинка, сабля Чжоу Фэй внезапно встала по стойке смирно и движением 'Прознающий' ранила мужчину прямо в грудь, прежде чем он успел среагировать. Одним ударом Чжоу Фэй сбросила его труп со своего клинка. Затем она наклонилась, чтобы поднять его за воротник, и с силой швырнула в человека, который собирался сделать шаг вперед, чтобы занять место этого ученика.

Хотя в этом мире может существовать тысяча и одна различная формация, их основные принципы остаются неизменными. Чжоу Фэй никогда не изучала ничего из этого систематически, но она была особенно одарена в бою... особенно в групповом бою. Простого знания основ «Формирования мухи-однодневки» было достаточно, чтобы значительно повысить ее боевые навыки.

Вместо того чтобы шагнуть вперед, чтобы расширить новую брешь в строю, она сделала шаг назад, ткнув локтем точно в подбородок одного из учеников позади нее. Он упал навзничь на землю, потеряв сознание. Ученики вокруг него поспешили вперед, и один из них направил свой меч в сторону Чжоу Фэй. Она парировала его лицевой стороной своего клинка, затем, оттолкнувшись от него, ловко скользнула в сторону, проделав небольшую брешь в этом плотном человеческом строю.

Пять или шесть учеников Лазурного Дракона немедленно вышли вперед, чтобы преградить ей путь. Но Чжоу Фэй, казалось, научилась какой-то магии, уменьшающей кости, так как ей удалось ловко проскользнуть через промежутки между ними. Она была похожа на гладкий поток воды – но после того, как «протекла» мимо них, сабля в ее руке внезапно изменила свою природу, развернувшись, чтобы ударить их. Ее решительность и злобность сделали этот удар одним из тех, что записывают в книги. Неспособный противостоять его силе и недостаточно быстрый, чтобы отступить, один из учеников Лазурного Дракона был мгновенно ранен в спину. Он упал вперед в агонии, прямо на обнаженное оружие своих товарищей, и был пронзен в одно мгновение.

Из-за всех ударов и разрывов, которые делала Чжоу Фэй, в пласте начала образовываться дыра.

Тем временем она уже успела добраться до дверей гостиницы.

Как только она подошла к двери, она услышала, как Се Юнь громко окликнул ее: «Где твой «Яд, сжимающий кости»?»

Мгновенно поняв, что он пытается сделать, Чжоу Фэй драматично вскинула руку. Опасаясь, что она выпустила какой-то смертельный яд, ученики Лазурного Дракона, которые блокировали дверной проем, немедленно отступили на несколько шагов. Клинок Чжоу Фэй метнулся вперед, быстро сразив тех, кто не успел вовремя отступить, и с громким лязгом ударил в дверь гостиницы. Затем она захлопнула ее за собой, оттеснив тех учеников, которые пытались добраться до двери, и начала закрывать деревянные двери гостиницы. Те ученики снаружи, наконец, поняли ее обман и собирались броситься обратно к двери. Но прежде чем они смогли это сделать, они столкнулись прямо с «Непостоянным Ветром» от клинка Чжоу Фэй. Их кровь брызнула на дверной косяк, их трупы образовали естественный барьер, блокирующий дверь.

Се Юнь закричал: «Чего вы все ждете! Строй нарушен! Больше нечего бояться, почему вы не наносите ответный удар?»

По правде говоря, строй на самом деле не был нарушен – просто Чжоу Фэй только что двигалась так быстро, что заставила весь строй застыть в ошеломленном удивлении, и на первый взгляд многие ученики, казалось, переместились в неправильные позиции. Но если бы кто-то руководил этим формированием, оно восстановило бы свой порядок в мгновение ока. К сожалению, Старейшина Девяти Драконов был слишком занят, отбиваясь от пухлого хозяина гостиницы, чтобы уделить этому время. Поэтому слова Се Юня действительно укоренились, мгновенно повергнув всё формирование Лазурного Дракона «Разрушение гор и опустошение морей» в бешеную панику.

Видя это, даже самые беззащитные постояльцы гостиницы, разжигаемые ненавистью к своим безжалостным нападавшим, с удвоенной силой набросились на учеников Лазурного Дракона. Вместе с Чжоу Фэй, которая оттесняла учеников от двери, они атаковали их со всех сторон, делая гибель формирования неизбежной.

Се Юнь подмигнул Чжоу Фэй и поднял большой палец вверх. Казалось, он говорил: «У тебя острое лезвие, а у меня острый язык, мы пара, созданная на небесах».

Чжоу Фэй одарила его чрезвычайно презрительным взглядом.

Она отвернулась от него, с отвращением наблюдая, как этот бесстыдный парень смотрит на нее сверху вниз из своего укрытия.

Когда столы внезапно поменялись местами, пухлый трактирщик издал громкий рев, сжимая своими гладкими белыми руками кинжал Старейшины Девяти Драконов. Затем он выбросил ногу вперед в мощном ударе, прямо в боковую часть талии старика, в одно из наиболее уязвимых мест на теле мужчины. Порыв ветра ударил прямо в Старейшину Девяти Драконов, и

он отлетел в сторону, врезавшись в деревянную колонну рядом с лестницей. Если бы он был сделан из фарфора, половина его тела уже разлетелась бы вдребезги.

Тяжело дыша, Старейшина Девяти Драконов поднял голову - и его глаза случайно встретились с глазами Се Юня, который все еще прятался за деревянными столбами на лестнице.

Се Юнь отпрянул: «О нет, я сейчас в беде, мой дом вот-вот рухнет!»

При виде этого раздражителя Старейшина Девяти Драконов пришел в такую ярость, что у него запульсировало в висках. Он ничего так не желал, как разрезать этого парня на миллион кусочков и перемолоть его плоть на собачий корм. Он ткнул кинжалом в Се Юня. Се Юнь легко спустился на первый этаж, как лист бумаги, быстро скользнув в сторону, как только его ноги коснулись земли.

Это было почти так, как если бы легкий осенний ветерок пронесся по переполненной гостинице - и молодой мастер Се был опавшим листом, несомым этим ветром.

Этот «опавший лист» танцевал вокруг гостиницы, продолжая болтать: «Мой дорогой господин, совсем нечестно собирать только мягкие фрукты, чтобы повредить им. Не запятнает ли это ваше героическое имя?»

Сказав это, он уже снова взлетел на второй этаж, имея достаточно времени, чтобы даже обернуться и одарить старика широкой зубастой улыбкой. Затем он проворно прыгнул обратно через дыру, которую Старейшина Девяти Драконов только что проделал в половицах. Вбешенный, Старейшина Девяти Драконов тоже прыгнул через нее, наступая Се Юню на пятки. К его удивлению, пухлый трактирщик стоял прямо под этой дырой, ухмыляясь ему: «Спускайся сюда!»

Но было слишком поздно для Старейшины Девяти Драконов отступить. Пухлый владелец гостиницы схватил его за ногу и повалил на землю.

Формирование учеников Лазурного Дракона к настоящему времени полностью распалось, превратившись в хаотичную массу людей. Когда Чжоу Фэй свирепо охраняла закрытые двери, большинство оставшихся учеников в гостинице были убиты мстительными гостями.

Усмехнувшись, пухлый трактирщик сказал Старейшине Девяти Драконов: «Брат мой, карма всегда возвращается, чтобы, в конце концов, одолеть тебя».

Затем, взмахнув своими большими руками, он, казалось, сломал старику лодыжку.

В это мгновение раздался тихий скрип, такой тихий, что пухлый трактирщик не мог услышать его в шумной гостинице. Но Цзи Юньчэнь и Се Юнь одновременно подняли головы и в один голос крикнули: «Берегитесь!»

На лодыжке Старейшины Девяти Драконов находилось маленькое устройство. Если бы его сильно повернули, вылетела бы маленькая железная стрела. Теперь эта стрела летела прямо в лицо пухлому трактирщику. Для него было слишком поздно убежать. В отчаянии он издал громкий рев, одной рукой переломив ногу Старейшины Девяти Драконов пополам, а другой подняв руку, чтобы прикрыть лицо. Маленькая железная стрела пронзила его ладонь.

Эти его непробиваемые руки, казалось, схватили пылающее горячее пламя – жгучая боль распространилась по всему его телу, и кровь, которая текла из раны на его ладони, была черной, как ночь: железная стрела была ядовитой!

Выражение лица Цзи Юньчэня мгновенно изменилось. Он вскочил на ноги. Но пухлый содержатель гостиницы уже схватил случайный топор, который один из учеников бросил на пол, и с громким ревом опустил его на запястье своей пронзенной правой руки.

Цзи Юньчэнь в отчаянии закричал: «Брат Хуа!»

Всего несколько мгновений прошло между внезапной атакой Старейшины Девяти Драконов и членовредительством пухлого трактирщика. Се Юнь едва успел моргнуть. Через мгновение он тихо спросил: «Хуа? Может ли это быть Хуа Чжэнлун из «Божественных Ладоней Лотоса»?

Пухлый трактирщик побелел как полотно, его тело сотрясала дрожь. Его зубы яростно стучали друг о друга, когда он дрожал от невыносимой агонии, но он все же смог выдать несколько слов: «Я бла... благодарен... что кто-то все еще помнит этого старика».

Деформированная нога Старейшины Девяти Драконов безвольно лежала перед ним, и он был на грани обморока от боли. Он тяжело дышал, рухнув на пол, как умирающая собака, но при этих двух словах – «Хуа Чжэнлун» – его затуманенные глаза внезапно снова сфокусировались и опасно заблестели. Он потянулся рукой к груди. Но как раз в этот момент перед его глазами сверкнула сталь, и у него было время только на то, чтобы его зрачки слегка сузились, прежде чем он превратился в «Безголового Старейшину», и его отрубленная голова покатилась по полу.

Чжоу Фэй, которая подросла к нему как раз вовремя, легко отступила в сторону, чтобы избежать брызнувшей крови. Если бы она не опустила свой клинок достаточно быстро, страшно представить, какой ещё трюк мог выкинуть этот старый дьявол. Она посмотрела на Се Юня и Цзи Юньчэня из-под нахмуренных бровей. Разговоры, казалось, были единственным, что эти бесполезные идиоты умели делать.

С уходом Чжоу Фэй тем ученикам Лазурного Дракона, которых держали снаружи гостиницы, наконец удалось прорваться через деревянные двери. Но прежде чем они успели ворваться внутрь, их приветствовала отрубленная голова Старейшины Девяти Драконов, весело катящаяся вперед. Ученик, оказавшийся с ней лицом к лицу, споткнулся о порог двери и упал на пол, затем молниеносно вскочил, поджал хвост и убежал, не сказав больше ни слова.

Следуя его примеру, оставшиеся ученики Лазурного Дракона быстро ретировались кто куда. За

считанные мгновения они покинули гостиницу, оставив только кровавый след, который тянулся от двери гостиницы «Три источника» до самой улицы.

Владельцы лотков и магазинов, которые поспешно закрыли свои двери и окна, когда начались боевые действия, теперь снова открыли их, и люди начали заниматься своими делами, как будто ничего не случилось. Казалось, все уже привыкли к таким сценам. Они шли по залитой кровью улице, как будто наступали не на лужи крови, а на собачье дерьмо – раздавались только крики предостережения, чтобы люди не испачкали обувь.

Пухлый трактирщик Хуа Чжэнлун, спотыкаясь, добрался до местечка в углу и плюхнулся на пол. Цзи Юньчэнь поспешил к нему и начал обрабатывать его раны.

Когда все были слишком заняты, чтобы заботиться о нем, бледнолицый молодой человек, чьи точки давления все еще были запечатаны, холодно усмехнулся: «Божественные Ладони Лотоса, Клинок Юга... ха-ха, ты действительно уважаемый потомок Клинка Севера. Даже когда ты превратишься в бесполезного калеку, кучка подхалимов все равно поспешит к тебе на выручку...»

Прежде чем он успел закончить фразу, Чжоу Фэй отвесила ему пощечину.

Если бы шея этого бледнолицего молодого человека была чуть более нежной, она бы сломалась от силы этой пощечины. Одна сторона его девственно белого лица мгновенно раздулась до небес, его тонкое овальное лицо исказилось, превратившись в перевернутый желудь.

Чжоу Фэй небрежно сказала: «Если ты еще раз скажешь какую-нибудь чушь, я отрежу тебе язык».

Се Юнь поспешил добавить: «Мой дорогой брат, тебе лучше прислушаться к ее словам и держать рот на замке, она действительно имеет в виду то, что говорит!»

Бледнолицый молодой человек свирепо уставился на Чжоу Фэй, пламя почти вырывалось из его глаз.

Остановив кровотечение Хуа Чжэнлуна, Цзи Юньчэнь вздохнул и повернулся к Чжоу Фэй, низко поклонившись, прежде чем обратиться ко всем гостям, все еще стоящим в гостинице: «Я заслуживаю сотни мучительных смертей за то, что заставил всех вас пройти через это».

Бледнолицый молодой человек снова усмехнулся, хотя его теперь распухшее лицо означало, что его рот был немного искривлен. Но он был неисправим и, рискуя отрезанным языком, отказался остановиться: «Взять меня в заложники - это не так уж и важно, так как я всего лишь один из низших псов Лазурного Дракона. Но, убив его доверенного Старейшину Девяти Драконов и нарушив его знаменитую формацию «Разрушение гор и опустошение морей», вы публично нанесли ему пощечину. Он не отпустит вас так легко. Ни один из вас здесь сегодня не сможет избежать его гнева!»

Цзи Юньчэнь повернулся, чтобы посмотреть на него, и вздохнул: «Пэй, если бы твои родители увидели тебя в твоём нынешнем состоянии, они были бы разочарованы. Перестань так унижать себя».

При упоминании о его родителях бледнолицего молодого человека чуть не хватил удар, его лицо стало свекольно-красным, а вены на шее опасно вздулись. Если бы его точки давления не были запечатаны, он, скорее всего, вскочил бы на ноги и начал скрежетать зубами. Он взревел: «У тебя хватает наглости говорить о моих матери и отце! Ты...»

Но прежде чем он успел закончить фразу, земля внезапно задрожала.

Как будто они заранее отрепетировали, окна и двери домов, выстроившихся вдоль улицы, мгновенно снова захлопнулись. Улица, которая только что была заполнена людьми, опустела за считанные мгновения.

<http://tl.rulate.ru/book/33015/2124185>